

Гиздатов Г.Г.
**Медиа́льный дискурс
Казахстана:
социолингвистические аспекты**

В статье представлен социолингвистический анализ медиа́льного дискурса Казахстана. Исходные теоретические положения данной работы базируются на теории медиа́льности (германская школа семиотики). В статье прослеживается то, как медиа́льное пространство влияет на процессы восприятия и познания. Обозначены основные социальные концепты и риторические стратегии современного медиадискурса Казахстана. К риторическим стратегиям казахстанского медиадискурса отнесены резонерство, канцелярит и симулятивный антропоцентризм истолкования. Данные стратегии выявлены в конкретной речевой практике медийного и телевизионного дискурсов, подтверждаются психолингвистическими данными. Отдельно рассмотрены риторические принципы и приемы манипулирования русскоязычной аудиторией (публицистические тексты, пропагандистские компании и т.п.) с суггестивными принципами речевой терапии. Выявленные социолингвистические аспекты медиа́льного дискурса соотнесены с аналитическими выкладками казахстанских социологов и политологов.

Ключевые слова: медиадискурс, медиа́льное пространство, когнитивная модель, психолингвистические данные, риторические стратегии.

Gizdatov G.G.
Sociolinguistic aspects of the medial discourse of Kazakhstan

The article presents a sociolinguistic analysis of the medial discourse of Kazakhstan. The theoretical propositions of this paper are based on the theory of medial (German School of semiotics). The article traces the way the medial space affects the processes of perception and cognition. Designated basic social concepts and rhetorical strategies of contemporary media discourse Kazakhstan. By the rhetorical strategy of Kazakhstan's media discourse attributed sententiousness, formal and simulative anthropocentric interpretation. These strategies identified in the specific practice of speech and television media discourse, supported by psycholinguistic results. Separately considered rhetorical principles and techniques of mass manipulation of the Russian-speaking audience (journalistic texts, promotional companies, etc.) to the suggestive principles of speech therapy. Identified sociolinguistic aspects of the medial discourse correlated with analytical papers sociologists and political scientists of Kazakhstan.

Key words: media discourse, the medial space, cognitive model, psycholinguistic results, rhetorical strategies.

Гиздатов Г.Г.
**Қазақстан
медиа дискурстының
социолингвистикалық
аспектілері**

Мақалада Қазақстан медиа дискурстың социолингвистикалық талдау ұсынады. Бұл мақалада бастапқы теориялық ұсыныстар медиа теориясы (семиотиканың неміс мектебі) негізделген. Мақала медиа дискурстың қабылдау және таным процестерін әсер жолын қадағалайды. Негізгі әлеуметтік ұғымдар мен қазіргі заманғы медиа дискурс Қазақстан риторикалық стратегиясын белгіледі. Бұл стратегиялар психолингвистикалық деректермен қолдау сөйлеу және телевизиялық БАҚ дискурс нақты тәжірибеде, анықталған. Риторикалық принциптер мен орыс тілді аудиторияға (және т.б. журналистік мәтіндер, жарнамалық компаниялар,) бұқаралық айла-шарғы жасау әдістері қарастырылады. Аналитикалық есептеулер қазақстандық әлеуметтанушылары мен саясаттанушыларының арақатынаста медиа дискурстың анықталды социолингвистикалық аспектілері.

Түйін сөздер: БАҚ дискурс, медиа далалық, когнитивтік моделі, психолингвистикалық деректер, риторикалық стратегиялар.

МЕДИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАЗАХСТАНА: СОЦИ- ОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Анализ медиадискурса априори предполагает различные подходы: психологический, семиотический, социологический, культурологический. На наш взгляд, результативным является междисциплинарный, в котором современная теория медиальности, а именно констанцкая школа (Германия) [1], претендует на главенствующее место. Человек обычно не осознает структур, направляющих его языковое мышление: познавательные структуры не являются осознаваемым содержанием мышления, однако можно предположить, что именно они навязывают мышлению одну форму, а не другую. В современной гуманитарной парадигме важно понятие когнитивное состояние носителя языка, вне которого мы не можем рассматривать любые модели представления знаний. Заметим, что подобный аспект исследования был свойственен и социальной теории П.Бурдьё, в которой использование языка приравнивалось к использованию концепций: «Среда, ассоциируемая с определенным классом условий существования, производит *habitus*, то есть систему прочных, приобретенных предрасположенностей, структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурированных структур, то есть в качестве **принципов, которые порождают и организуют практику и предоставления**» [2, 17-18]. Умберто Эко обоснованно называет данную сферу идеологией: «Мы будем понимать под идеологией все то, с чем так или иначе знаком адресат и та социальная группа, которой он принадлежит, системы его психологических ожиданий, все его интеллектуальные навыки, жизненный опыт, нравственные принципы» [3, 108]. Отсюда следует то, что модели ситуаций необходимы нам в качестве основы интерпретации текста: «Важнейшим компонентом процессов построения и восприятия текстов является осмысление стоящих за ними социальных ситуаций и их когнитивная репрезентация» [4, 161].

Изначально также необходимо отметить: «На самом деле, но это следует подчеркнуть, имеется в виду не язык, а дискурс, то есть особый порядок, отличный от субстанции языка в том значении, в котором определяют понятие языка лингвисты, но который реализуется в языке» [5, 96].

Таковы исходные теоретические предпосылки, но каким предстает медиаальный дискурс Казахстана и каковы его социальные концепты и когнитивные стратегии?

Справедливо считается, что население Казахстана достаточно «погружено» в советскую идеологию. Очевидно, что политика русификации нерусских народов в советские годы привела к русской идентичности казахов (через русский язык, русскую историю, литературу, музыку, кино и т.д.). По-прежнему объединяет две страны не столько русский язык, а сколько советская идентичность. Именно подобную идентичность, иногда даже и неосознанно, отстаивают и политики, и гуманитарии советской и постсоветской ориентации. Она же поддерживается российскими СМИ и называется «общим информационным пространством». Идеологическое наполнение казахстанских реалий советским и одновременно пророссийским содержанием и оценкой всего и вся неизбежны. По единственной причине – как подчеркивают казахстанские политологи и социологи: «Внутри самого государства пока не создано единого культурного и даже ментального пространства, которое могло бы сформировать общие для всех национальные ценности» [6, 136]. В этом случае можно и должно предположить, что мы все вовлечены в процесс, в котором «медиа – это не только нейтральные средства передачи информации, своей способностью к трансформации, своими перформативными, экспрессивными и символическими возможностями, своими конкретными формами проявления они сами участвуют в процессе выявления смысла. Более того, «современные масс-медиа особенно интенсивно апеллируют к эмоциональной, аффективной стороне человека, участвуют, таким образом, в перестройке структуры восприятия и познания» [7, 5]. Важно уточнить, что современные российские социологи (Лев Гудков «Левада-Центр») точно обозначили тоталитарный дрейф в медиаальном пространстве России. Медиаальное пространство России последних лет, в особенности официальные медиа, демонстрирует очевидное. Лучше всего это обозначать как последствие манипулирования общественным мнением.

Близко, но несколько иначе складывается ситуация в казахстанском варианте медиаального пространства. В современном казахстанском медиадискурсе, также как и в прошлом веке, относительно ко всем его проявлениям наиболее очевидна следующая когнитивная модель – антропоцентризм истолкования. «Я – схемы»

(в терминологии Л. Хьелла и Д. Зиглера [8], которые во многом обеспечивают быстроту принятия решения, воспоминания и реконструкции, оценку и отрицание того, что не очень подходит под «я-схему»). Приведем пример того, как русский язык отражался еще в 90-е годы в ассоциативном мышлении русских в России и русскоязычных в Казахстане (РАС – ассоциации, полученные в России на слова-стимулы [9], КАС – ассоциации, зафиксированные при опросе на те же слова в Казахстане [10]).

Слова-ассоциации расположены по степени частотности, количество ассоциативных реакций в обоих случаях близкое (приводятся наиболее частотные реакции):

Жизнь – РАС: смерть 62, прекрасна 30, долгая, хороша 16, коротка 13, жестянка, тяжелая 12, моя, прожить 9, длинная 8;

Жизнь – КАС: смерть 20, счастье 17, долгая 16, радость 13, короткая 7.

Добрый – РАС: человек 72, дядя 52, злой 46, день 29, друг, малый 26, хороший 13, вечер 12, папа 9, молодец 8;

Добрый – КАС: человек 69, друг 54, родители 27, доктор 11, волшебник, мама, папа, сильный, супруг 10, злой, дядя 8.

Вода – РАС: холодная 48, чистая 42, пить 20, море 18, прозрачная 15, родниковая 14, жидкость, река 11, мокрая, питьевая 9, живая, земля 8.

Вода – КАС: море 38, река 13, кран 12, озеро, прозрачная 11, чистая, холодная 10, жизнь 8.

Слова были одни и те же, но образы, которые они вызвали, разные и смысл, который им придается, также не идентичен. Безусловно, коллективные стереотипы и системы ценностей присутствует и в первом, и во втором случае, но значимо иное. Несмотря на определенную логичность казахстанского «варианта» речи, слово в речи не выражает полного атрибута положения вещей, «идеального» события нет. Пожалуй, именно по отношению к ассоциативным рядам, зафиксированным в Казахстане, можно говорить о неизбежном отсутствии этнических стереотипов. В них в первую очередь зафиксировано «мышление толп» – стереотипные и повторяющиеся образы. Язык перестает быть феноменом культуры и выступает лишь как средство фиксации и передачи информации. Обозначенное можно объяснить предложенным казахстанскими социологами термином «мещанство» как объединяющей социокультурной общности современного Казахстана [11]. Мещане и являются тем «социальным атомом», в духе Морено: «По-

сколькx индивид проецирует эмоции на окружающие его группы и поскольку члены этих групп в свою очередь проецируют эмоции на него, на пороге между индивидом и группой можно распознать спроецированный обеими сторонами паттерн притяжений и отталкиваний [12, 220]).

Этот паттерн и называется «социальным атомом», который характеризует нынешнее казахстанское общество. В качестве примера приведем «осмысление» совсем известных событий в одной из социальных сетей. Интервью девушки (снимали на камеру), которая рассказала следующее: *«Декабрьские события в 1986-м году случились из-за того, что генерал Куропаткин, правивший здесь, устроил форменный голод: все продукты переправлял в русские губернии, местная молодежь взбунтовалась и устроила восстание. Длилось оно три недели или три месяца. Возглавил это восстание, кажется, поэт Шаханов...»* (в тексте смешалось все: 19 и 20 век, несовместимые советские и российские реалии, но идеальные отражены массовые и одновременно мещанские стереотипы восприятия). Под этим обозначением – «мещанство» – подразумевается и бытовой традиционализм в оценке всего и вся, близкий к нулю уровень креативного и критического осмысления себя и общества и другие социальные манифестации. Качественные проявления последнего закреплены в казахстанских медийных образчиках. Из этого же ряда ситуации контроля над мыслями и словами, когда казахскоязычные пресса и ТВ массово реагируют на ролики о стриптизе на казахской свадьбе, а уже потом депутат предлагает оштрафовать девушку и заказчика [сайт 365 info.kz]. Единственное и реальное коммуникационное изобретение для всех времен и народов – прием позиционирования (создание понятного клиентам образа) – работает с неизбежными оговорками и в казахстанской социальной практике. Этот прием не может не влиять на язык и стиль любого медийного продукта, реализованного на телевидении, газетных и журнальных текстах, блог-постах в новых медиа. Общая тенденция современных традиционных и новых медиа – преобладание над аналитическими материалами собственно публицистики. При этом манипулятивность российского и казахстанского журнализма нашего времени стала более агрессивной. Наиболее яркий пример из казахстанской практики – стилистика канала КТК (казахстанский аналог НТВ). Реальность перестает быть таковой, а на смену ей приходит игра. Это уже заметили медиа-специалисты: «В Казахстане пост-

модернистская эстетика активно используется в медийной масскультуре (клиповая поэтика), наблюдаются ее приметы в перекосе развлекательных шоу и программ, в тяготеции выдавать за публицистику события частного значения, причем без типизации, обобщения, социального анализа и комментариев, но с усиленным лжепублицистическим пафосом субъективизма» [13, 24].

Слова уже становятся, как это уже было в советской практике, скорее фикцией, но никак не событием. Быть может, поэтому в последнее время в казахстанской массовой культуре в попытке изменить существующую ситуацию, также как и в российской практике последних пяти-семи лет, наблюдаемы риторические принципы и приемы манипулирования массовой аудиторией (рекламные тексты, пропагандистские компании и т.п.) с суггестивными принципами речевой терапии. К таковым относится, во-первых, упрощение смысла. Действительно потребительская избавлена от лишних усилий. По отношению к публичному речевому поведению в официальном медиальном пространстве в Казахстане происходит упрощение смысла. При этом в официальных и приближенных к ним медиа все правильно и нет ничего расплывчатого. Как правило, минимизация понятий и в казахстанском, и в российском официальном медиадискурсе дополняется бесконечным повторением и апелляцией к чувством слушателей, зрителей.

В языке большинства официальных русскоязычных и казахских СМИ Казахстана преобладает исключительно книжная лексика, столь отличающая язык позднесоветского времени. В казахстанском публицистическом дискурсе налицо второе «пришествие» канцелярита. Это плохо хотя бы потому, что отупляет сознание. Все обозначенное присутствует как на республиканском телеэкране, так в государственных «посылах» и в социальной рекламе, казахстанской газетно-журнальной публицистике. Таковым и является в большинстве случаев современный язык казахстанской публицистики и теледискурса.

Вновь также как и в 30-е годы XX века частотны «дутые слова» – словесная имитация бурной деятельности – *оптимизация, форматирование*. Из этого же ряда создание новых слоганов «*Сто школ – сто больниц*», «*Саламаты Казахстан*», «*Дорожная карта занятости – 2020*», «*Дорожная карта бизнеса 2020*», «*Информационный Казахстан*». Стало много аббревиатур с подобными названиями: *НПП, ГФСС,*

ЕНПФ, «Даму», СПК, но за ними – организации с посредническими услугами и не более.

Самые последние образчики, адресованные от государства населению, звучат так: «*молодежный кадровый резерв*», «*фактор культуры в эпоху кризиса*», «*прорывные проекты*», «*программы на развитие потенциала молодежи*» и пр.

Проблема в том, что дальше за этими громоздкими словесными клише ничего не стоит, и они ничего не пробуждают в сознании тех, кому они адресованы. Налицо также в официальном медиадискурсе явление из когнитивной сферы, получившее в патопсихологии, название «резонерство». В характеристику этого явления входят: слабость суждений, многоречивость, претенциозно-оценочная позиция, многозначительность, обязательно сопровождаемые речевой безграмотностью. Подавляющее большинство научных и публицистических текстов также с неизбежной закономерностью будут отличаться резонерством, канцеляритом и симулятивным антропоцентризмом истолкования. Впрочем, и в казахстанской художественной повести [14], претендующей на некое место в современной казахстанской литературе, та же смесь канцелярита с просторечной лексикой:

«Тема наркоты для меня была знакома»;

«Я пыталась совершить суицид, но меня спасли»;

«Кроме того, мне предстояло соблюдать режим, и посещать курс гимнастики по йоговской системе»;

«Армия, это хорошо. Там ты перестанешь чувствовать депрессию. Тебе будет некогда».

Можем ли мы говорить о каком-нибудь риторическом пространстве слов этой повести? В любом случае рассуждать о рождении особого языка молодежи не приходится. Вне всяких сомнений, таков дискурсивный выбор автора книга. Так, по версии автора, выражаются казахстанские подростки. Но кроме определенной начитанности самого автора и несколько надуманного подросткового излома, «Хардкор», как и многие казахстанские литературные тексты последних лет, запоминается странным, но весьма типичным и показательным для «взрослой» речи сочетанием канцелярита с молодежными словечками. Они, кстати, совсем простенькие и вовсе не абсурдистки вызывающие, как того хотелось бы от современной прозы. Совсем не важны наши предположения о том, что так современные подростки не говорят. Эта не та «полная» речь, которая упорядочивает случайности прошлого и придает им неизбежность в смысле

Жака Лакана. Характер «движения» от предмета к обобщающему слову нарушен: отсутствуют адекватные связи между конкретными наименованиями и обобщающими понятиями. При таком преобладающем «вербализме» мышления сущностные характеристики уходят в сторону, снижая в итоге и саму речевую продуктивность.

Язык современных казахских и русскоязычных писателей и блогеров и есть причудливое соединение разговорных оборотов с книжно-пафосными. В публицистическом дискурсе это точно выявил писатель и переводчик Герольд Бельгер: «И мне порой кажется, все друг на друга слишком похожи. Везде один традиционный казахский стиль. Читаешь, а в памяти мало что остается. Помню, я учился в казахской школе, и мы там писали пафосные поэмы. Вот сейчас то же самое» [15, 5].

Из чего, например, складывается речевая динамика в любом казахстанском молодежном и взрослом ток-шоу на телевидении? То, что на поверхности, сводится к следующему.

Лексика их бедна и невыразительна. В ряде случаев это исключительно газетная публицистика или выхваченная незадолго до выступления околонучная терминология. Почему «около»? Ораторы не всегда понимают значения слов (экономических, юридических, политических терминов), коими они оперируют.

Тусклая аргументация в ток-шоу «обогащена» вульгарной манерой спора. В риторике это понятие включает в себя следующее: отсутствуют переходы и связи мыслей; не выявляется главное в предмете рассуждения; главенствует излишняя категоричность; используются популистские аргументы к личности.

Пожалуй, именно по этой причине в казахстанском молодежном сленге оказывается более популярным слово «*грамотный*» (толковый) как явно урезанная и неполная замена русского эквивалента «*правильный*». Показательны в российской речевой культуре слова-лидеры последних лет: «*правильный*», «*пафосно*», «*жесть*» (за каждым из слов – протестные жизненные установки). В казахстанском молодежном дискурсе пока не задаются подобные стандарты и стереотипы социального поведения. Последние казахстанские речевые образчики ближе всего к провинциальному брюзжанию по поводу всего окружающего. Самые типичные слова-клише следующие: *цивильно* (там все хорошо, но только не дома), *беспонтовый* (простой или же беспотолковый), *нечто* (как высшая оценка чего-либо) – популярные в 90-е года слова в российской

молодежной среде: *«И вообще, там (в Лондоне, Париже, Блумингтоне) все так цивилизно».*

Не обнаруживается самое важное в молодежном социолекте Казахстана – продуманное следование определенной идеологии. В конечном счете, казахстанский молодежный дискурс не есть феномен постмодерновой культуры (как оно зафиксировано в других странах), он большей частью болезненно спокоен и глубоко провинциален.

Нередко казахский медиадискурс оказывается более просоветским, чем русскоязычная пресса Казахстана. В этом случае мы видим попытку «работать» (в том числе и манипулировать) с традиционными ценностями, бесспорное подчинение авторитету, примат групповых ценностей. В этом же ряду декларируемый конформизм

(восприятие себя как частицы целого и полное подчинение ему), идеология солидарности, присутствующие в казахском медиадискурсе.

Медиальное пространство Казахстана отражает реальную речевую и социальную ситуацию нашего времени. В нем все смешалось и весьма мозаично: от архаичных и советских стереотипов до современных постмодернистских образчиков. Но именно эти современные коммуникации, как некие «культурные консервы», точно схватывают и отражают наше время. На сегодняшний день можно предположить о действенном и не всегда позитивном влиянии постсоветских мифологических реконструкций далекого и относительно недавнего прошлого на сознание становящегося казахстанского общества.

Литература

- 1 Гиздатов Г.Г. Теория медиальности в западной практике // Медиа. Информация. Коммуникация. – 2015. – № 13. <http://mic.org.ru/13-nomer-2015/430-teoriya-medialnosti-v-zapadnoj-praktike>
- 2 Бурдые П. Структура habitus, практика // Современная социальная теория. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – С. 16-39.
- 3 Эко Умберто. Отсутствующие структуры. Введение в семасиологию. – СПб: Петрополис, 1998. – 432 с.
- 4 Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск, 2000. – 243 с.
- 5 Куртин Ж.Ж. Шапка Клементины (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура круга: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 95-123.
- 6 Коктейль Молотова. Анатомия казахстанской молодежи. – Алматы: ААО, 2014. – 256 с.
- 7 Гюнтер Х. Введение // Советская власть и медиа. Сборник статей под общей редакцией Ханса Гюнтера и Сабины Хэнсг ен. – СПб.: Алатея, 2006. – С. 5-16.
- 8 Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности (основные положения, исследование и применение). – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 576 с.
- 9 Русский ассоциативный словарь. – Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. – Москва: Помовский и партнеры, 1998. – 224 с.
- 10 Гиздатов Г.Г. Когнитивные модели в речевой деятельности. – Алматы: Гылым, 1998. – 178 с.
- 11 Илеуова Г. Современное мещанство: социальный конформизм или адаптация к жизненной среде? <http://www.of-strategy.kz/index.php/ru/research/socialresearch/item/396-sovremennoe-meshchanstvo-sotsialnyj-konformizm-ili-adaptatsiya-k-zhiznennoj-srede>
- 12 Морено Я.Л. Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. – М.: Логос, 2001. – 255 с.
- 13 Ишанова А.К. Публицистика эры постмодерна // Материалы международной конференции «Казахстан – 2050». – Астана: ЕНУ им.Л.Гумилева, 2014. – С. 24-26.
- 14 Есенаман Зара. Хардкор. – Алматы, 2010. – 180 с.
- 15 Бельгер Герольд. Интервью // Саяси-Калам. – 2014. – № 13. – С. 4.

References

- 1 Gizdatov G.G. Teorija medial'nosti v zapadnoj praktike // Media. Informacija. Kommunikacija. – 2015. – № 13. <http://mic.org.ru/13-nomer-2015/430-teoriya-medialnosti-v-zapadnoj-praktike>
- 2 Burd'e P. Struktura habitus, praktika // Sovremennaja social'naja teorija. –Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo un-ta, 1995. – S. 16-39.
- 3 Jeko Umberto. Otsustvujushhie struktury. Vvedenie v semasiologiju. – SPb: Petropolis, 1998. – 432 s.
- 4 Dejk T.A. van. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija. – Blagoveshhensk, 2000. – 243 s.
- 5 Kurtin Zh.Zh. Shapka Klementiny (zametki o pamjati i zabvenii v politicheskom diskurse) // Kvadratura kruga: Francuzskaja shkola analiza diskursa. – M.: Progress, 1999. – S. 95-123.
- 6 Koktejl' Molotova. Anatomija kazahstanskoj molodezhi. – Almaty: AAO, 2014. – 256 s.
- 7 Gjunter H. Vvedenie // Sovetskaja vlast' i media. Sbornik statej pod obshhej redakciej Hansa Gjuntera i Sabiny Hjensgen. – SPb.: Alateja, 2006. – S. 5-16.

- 8 H'ell L., Zigler D. Teorija lichnosti (osnovnye polozenija, issledovanie i primenenie). – SPb.: Piter Press, 1997. – 576 s.
- 9 Russkij associativnyj slovar'. – Kniga 1. Prjamoj slovar': ot stimula k reakcii. – Moskva: Pomovskij i partnery, 1998. – 224 s.
- 10 Gizdatov G.G. Kognitivnye modeli v rechevoj dejatel'nosti. – Almaty: Gylym, 1998. – 178 s.
- 11 Ileuova G. Sovremennoe meshhanstvo: social'nyj konformizm ili adaptacija k zhiznennoj srede? <http://www.ofstrategy.kz/index.php/ru/research/socialresearch/item/396-sovremennoe-meshchanstvo-sotsialnyj-konformizm-ili-adaptatsiya-k-zhiznennoj-srede>
- 12 Moreno Ja.L. Sociometrija: jeksperimental'nyj metod i nauka ob obshhestve. – M.: Logos, 2001. – 255 s.
- 13 Ishanova A.K. Publicistika jery postmoderna // Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Kazahstan – 2050». – Astana: ENU im.L.Gumileva, 2014. – S. 24-26.
- 14 Esenaman Zara. Hardkor. – Almaty, 2010. – 180 s.
- 15 Bel'ger Gerol'd. Interv'ju // Sajasi-Kalam. – 2014 . – № 13. – S. 4.